

Анастасия АНУФРИЕВА

А НИЧЕГО И НЕ НУЖНО БОЛЬШЕ

* * *

На руку изваяния, как гипс,
Ложился снег и, впитывая время,
Темнело дерево. Январский тусклый день
Стоял на перекрёстке Ярлыковской
И Черепичной, вот уж много лет,
Как получивших новые названья,
В которых были запечатлены
Строитель паровозов Карташов
И физик Кузнецов, специалист
По скоростному резанью металлов.

В тот день какой-то странствующий бог
Одной из позабытых мифологий
Прошёл наш город из конца в конец,
Неузнанный. На несколько секунд
Он задержался здесь, на перекрёстке,
И выдохнул прозрачный лёгкий пар.
Пар поднимался, медленно сгущаясь
И превращаясь в белую звезду,
В зачаток расширявшейся вселенной,
Исполненной невиданных чудес.

Но этот город к чудесам привычен.
Пока мы грезим наяву в тепле
Домов, покуда улицы пустынные,
Кто знает, что ещё произойдёт
За бесконечным этим снегопадом, –
Лишь дерево становится темней.
Строитель паровозов Ярлыковский
И физик Черепичный спорят о
Бессмертии, и чешется рука
У изваяния под снежным гипсом.

* * *

Товарищ Киров!
Я знаю, как это непросто –
Жить в нашем городе,
Занесённом то листьями, то снегами.
Но вы улыбаетесь нам
С высоты трёхметрового роста
И свой постамент попираете
Гипсовыми
Тысячецветными сапогами.

Товарищ Киров,
Вы, в сущности, только призрак,
И в складках вашего френча –
Молекулы прошлого,
И это, товарищ, – красноречивый признак,
Который вам не сулит
Ничего хорошего.

И вот вы стоите,
Не в силах
Снежинки смахнуть с лица
И, наблюдая за чередой поколений,
Чувствуете, как сквозь город,
С другого его конца,
Глядит вам в лицо
Одинокий
Товарищ Ленин.

* * *

Есть время года, – ты к нему привык:
Составы направляются в тупик,
Господь грунтует заново холсты,
А сумерки становятся густы
Настолько, что при свете фонаря
Не отличить ноябрь от декабря,
Не отличить январь от февраля;
Бела, безвидна и пуста земля.

Всего и нужно: не сойти с ума,
Покуда тьма рассеется сама,
Покуда не всплывёт из бездны твердь,

Покуда смерть... Что это значит – «смерть»?
Ещё начала нет, и нет конца,
Творенья нет – а значит, нет творца,
И сети не закинул рыболов,
И кроме Слова нет на свете слов.

* * *

Мы сходили с ума, как с подножки трамвая,
Мы взлетали – кубарем по мостовой,
Лабиринтами общедоступного рая
Мы петляли, словами в зарницы играя.

Ярче солнца твой разум пылал, догорая.
Там, на ветке сирени, в кипении мая,
Ты остался, невнятице ливня внимая,
Ты остался, а я не осталась с тобой.

* * *

Ничего и не нужно больше: иди и пой.
Пой, во всём остальном доверясь судьбе слепой,
Пой во сне, в бреду, в аду и в райском саду.
Просто пой и иди, а я за тобой пойду.

Я давно пою, – он ей говорит в ответ, –
Я пою, а вокруг то не этот, то этот свет,
Здесь ли, там ли пою – мне до этого дела нет;
Смерти нет, только небо порой изменяет цвет.

Я бы пел, даже если бы ты не была со мной,
Самому себе и безлюдной стране лесной,
Облакам и планетам, летающим ко мне,
Вдохновению, памяти, времени, тишине.

* * *

Верёвка оборвётся, и
В колодец упадёт ведро,
И станет нечем зачерпнуть
Колодезной воды.

В колодце больше нет ведра,
Там отражённая звезда,
И отражения планет
Плывут вокруг звезды.

В колодце больше нет ведра,
И в небе больше нет ведра, –
Напрасно ты пришёл сюда
На поиски воды.

* * *

Воздух ясен и свеж, стынет вода в реке,
Я – рыболов в бесцветной куртке на берегу,
А на краю лугов – панельный дом вдалеке,
И вас, смотрящих из окон, я разглядеть могу.

Осенью с каждой минутой всё просторнее здесь:
В ясном воздухе тают дом, луга и река,
Вот я и сам исчезаю – был, да и вышел весь.
Только прозрачные рыбы бьются в моих садках.

* * *

На мотив Курта Вайля

Вышел месяц из тумана,
Из кармана вынул нож.
Этой ночью пропил месяц
Свой последний, третий грош.

Этой ночью всем не спится,
Потому что он не спит.
Жизнь твоя – всего лишь спичка,
Что в руке его сгорит.

Жизнь твоя – всего лишь спичка,
Ею мир не озарить.
Всё равно тебе не скрыться.
Всё равно тебе водить.

* * *

Злые дети и добрые дети – это одно и то же,
Это – мы, мы живём на свете и песни эти поём,
И если мы эти песни поём, никто нас унять не может:
Когда мы хотим, мы тоже умеем настаивать на своём.

А если к нам постучится смерть – мы выйдем играть со смертью,
Но, попытавшись её обмануть, не сможем её обмануть.
Тогда мы отправимся наконец – седые, усталые дети –
В Святую землю, в крестовый поход, в далёкий-далёкий путь.

* * *

Тогда вам было по семнадцать лет,
А мне пятнадцать было, потому что
Мой день рождения – в конце апреля,
И только-только начался апрель.
Мы ехали на поезде ночном,
Восток светлел, и наступала Пасха.

Мы ехали на поезде ночном
Туда, где школьная олимпиада,
Где «Брянск, любимый город над Десной»,
Чума и НЭП, Цорндорфское сраженье
И Туркманчайский мирный договор.
Дремал на нижней полке безмятежно
Сопровождавший нас в пути Сермих,
Верней, Сергей Михайлович, учитель
Истории, рассказчик анекдотов
И прочих познавательных вещей.
Учитель спал, и наступала Пасха.

Мы ехали на поезде ночном.
Учитель спал, но не хотелось спать
Ни мне, ни вам на ваших верхних полках,
И мы вполголоса заговорили
О празднике, который наступал,
О том, что небо изменяет цвет,
И свет – ночной окрашивает воздух,
Как молоко, добавленное в чай,
И звёзды растворяются, как сахар.

Мы эту ночь умножили на три,
И выпили втроём по полной чашке,
И с этих пор в крови у нас троих
Кристаллы звёзд из небосвода Пасхи.

Мы ехали на поезде ночном,
Несущемся по направленью к Брянску,
Спешащем прочь от утренней зари,
Но не способном состязаться с ней,
И будущее настигало нас.
Прошло три дня, как мы друг друга знали.
Четвёртый день воскресный мы проспим
В гостинице, а на девятый день
Знакомый мне поэт, подобно снегу
Сойдя с одной из проржавелых крыш,
Растаявшей водой уйдёт сквозь землю,
Чтоб ждать с обратной стороны Земли.
В четырёхсотый день начнётся юность,
И не пройдёт и пары тысяч дней,
Как вы поженитесь, и будет много дней,
Когда мы будем собираться вместе,
И ночи пить, и праздновать рассвет.

Я до сих пор не знаю, почему
Одни мгновенья выбирает память,
И оставляет с нами навсегда,
И почему другие – истребляет.
Мы ехали на поезде ночном.
И на секунду показалось мне,
Что этот поезд будет нас везти
От воскресенья и до воскресенья,
Без опозданий и без остановок,
Сквозь смерть, сквозь свет,
Сквозь жизнь, сквозь свет,
Сквозь свет.

МОЙ ОТЕЦ ЧЕРТИТ КАРТУ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЙ СТРАНЫ КАСТАЛИИ

Отец, зачем ты выдумал её?
Зачем ты сочинил ещё одну,
На карте мира лишнюю страну,
Смешное наваждение своё?

Когда найти уже не может слов
В окоченелой немоте душа,
Ты чертишь, не щадя карандаша,
Неровные изгибы берегов:

Мыс, полуостров, отмели, залив...

Отец, зачем твоя страна тебе?
Что ты исправишь в собственной судьбе,
Всё это на бумаге начертив?

Что ты исправишь в замысле чужом
С его неумолимой правотой,
С его непостижимой простотой
Твоим неутолённым миражом?

* * *

Когда всё стихнет, останься в зале хотя бы на пару минут.
Случилось всё, что могло случиться, и нечего больше ждать,
К тому же, ещё на один концерт тебя сегодня зовут,
И скоро они уже начинают, и важно не опоздать,

И всё же – останься. Ты чутко слушал, сполна заплатил за вход,
Ты был во всём безупречно точен, – впрочем, как и всегда.
Ты верно заметил: пустые минуты слагаются в час, и в год.
И всё же останься, – порою нужно напрасно тратить года.

Здесь, в окруженье скрипучих кресел, портретов, колонн, лепнин,
Слышавших многое, но не узнавших о музыке ничего,
В расстроенном, ветхом органе мира останешься ты один, –
Как резонатор для звуков, навечно застрявших в груди его.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА КАЗАНЦЕВА

А пропеллер вращается,
и полёт начинается.
Вертолёт летит над тайгой,
не опускается.

Обессилев, уснули
пилот и второй пилот,
А поэт Александр Казанцев
глядит вперёд,
Напевает песенку
и ведёт вертолёт, –
Только он и знает,
куда он его ведёт.

А штурвал дрожит
в побелевших его руках.
Много лет уже
он кружит себе в облаках,
Где любой поэт
неповинен в своих грехах,
Где его удел –
говорить о любви в стихах
(Он всегда умел
говорить о любви в стихах).

Но стихов о смерти
не пишет больше поэт,
Потому что теперь он знает,
что смерти нет.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА РУБАНА

Падает снег, – не последний, не первый, а просто.
Жил на Земле человек невысокого роста.
Больше о нём я не помню почти ничего,
За исключением того, что любила его.

Люди всегда забывают. А помнят предметы, –
Трубка и старый компьютер. И даже поэты,
Что заполняют бессмысленно память свою
Грудами образов, – даже поэты не помнят.
Бродят себе в коридорах из тысячи комнат, –
Даже знакомую комнату не узнают,

Даже те самые кресла и книжные полки,
Узкий стеллаж поперёк – даже это без толку.

Что ж, заходи, запоздалый, нечаянный гость,
Что ж, заходи, если хочешь, ты будешь как дома,
Будешь как дома, где каждая вещь незнакома,
Будешь во сне, из которого мало сбылось.

Добрый учитель, чему я могла научиться
С памятью этой дырявой? А вьюга клубится,
И о себе я не знаю почти ничего,
За исключением того, что любила его.

* * *

Как с Колпашевского яра осыпается земля,
Перемешанная с прахом,
И рекой её уносит в те далёкие края,
Где ни горечи, ни страха –

Только дышущее море, безмятежный океан,
Звонкий воздух ледовитый.
Звезды, пазори, алмазы раздают в награду там
Тем, кто дважды позабыты.

Ну, а вы, кому приюта ни на этом, ни на том
Свете нет – владейте тьмою,
Пожирайте мир войною, пусть дробится под винтом
Череп с дыркой сквозною.

Ядовитый ветер веет на Колпашевском яру –
Вот и всё моё наследство.
Что-то нынче засиделась жизнь у смерти на пиру
По старинному соседству.